

ЯЗЫК . СЕМИОТИКА . КУЛЬТУРА

СТРУКТУРА И ЦЕЛОСТНОСТЬ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ИСТОКАХ СТРУКТУРАЛИЗМА
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

1920–30-е гг.

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ВЫСШИХ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ПАТРИК СЕРИО

СТРУКТУРА И ЦЕЛОСТНОСТЬ

ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ИСТОКАХ СТРУКТУРАЛИЗМА
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

1920—30-е гг.

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва
2001

CEU

Данное издание выпущено в рамках программы Центрально-Европейского Университета «Translation Project» при поддержке Центра по развитию издательской деятельности (OSI – Budapest) и Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) – Россия.

При поддержке FONDATION SCHUART-SCHMIDT (Lausanne).

Серно Патрик

С 32

Структура и целостность: Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920–30-е гг. / Авториз. пер. с франц. Н. С. Автономовой. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 360 с.: ил. — (Язык. Семиотика. Культура).

ISBN 5-94457-014-8

Книга посвящена одному из важнейших эпизодов в истории науки XX века — рождению идей структурализма в Пражском лингвистическом кружке и особой роли в этом событии его русских участников — Н. С. Трубецкого, Р. О. Якобсона и П. Н. Савицкого. Можно ли считать структурализм особой «русской наукой»? Как связаны научные идеи структурализма с идеологией евразийства? В книге показан процесс рождения понятия структуры из идеи целостности и биологической метафоры организма.

Первоначально книга адресовалась франкоязычному читателю. Для русского читателя она будет интересна прежде всего широким междисциплинарным подходом к истории науки и новыми ракурсами ее рассмотрения. Свой путь к освоению русского духовного мира автор ищет в сопоставлении различных «времен» и «мест возникновения понятия, в их историко-эпистемологическом изучении».

ББК 87.3

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G · E · C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России кроме издательства «Языки славянской культуры» имеет только датская книготорговая фирма G · E · C GAD.

ISBN 5-94457-014-8

9 785944 570147 >

© Presses Universitaires de France, 1999
© Н. С. Автономова. Предисловие, 2001
© Н. С. Автономова. Перевод с франц., 2001

Оглавление

Актуальное прошлое: структурализм и евразийство (<i>Н. А. Автономова</i>)	9
--	---

Введение

Новизна и децентрация	31
О трех больших ученых	34
«Идеи, пришедшие с Востока»	36
Традиции	39
Дополнительность	41

Часть первая

Состояние вопроса

<i>Глава I. О границах и пределах</i>	45
Границы во времени: происходит ли в лингвистике смена парадигм?	45
Границы в пространстве: русская наука и европейская наука, тождество или разность?	48
Границы между наукой и идеологией. Замысел сравнительной эпистемологии	55
Двойная спираль	56
<i>Глава II. Евразийское движение</i>	59
Организация и политика движения: исторические аспекты	61
Учение евразийства: общий очерк	66
Против универсализма: самобытность	66
Поиск себя: невозможность экуменизма	68
Против общей цивилизации: отдельные культуры	71
Ареальная концепция культуры	78

Против демократии: идеократия	81
Философия истории	83
Границы отсутствующие, границы воображаемые	86
Идеология географизма	86
Монгольский мираж или парадокс самоопределения	98
Образы другого:	
Европа или Азия, буржуазность или современность?	100

Часть вторая

Замкнутость

<i>Глава III. Пространственный фактор</i>	105
Краткое введение в проблему	107
Фонологический языковой союз у Якобсона	111
Метафора «масляного пятна»	120
Распадение языковых семейств	120
Система и союз	129
<i>Глава IV. Непрерывное и прерывное</i>	137
Закрытость	138
Органицизм	138
Позитивизм	143
Невозможная замкнутость	146
Й. Шмидт: языки как круги на воде	151
Геолингвистика: каждая черта уникальна, каждому факту — свой закон	152
Ж. Ансель: географ, заинтересованный лингвистикой	156
Попытка компромисса:	
понятие «приблизительного совпадения»	157
Синтез или возврат к старому? Теория взаимоналожения	159
В Германии: Т. Фрингс	159
Во Франции	160
Пражский лингвистический кружок:	
радуга и замкнутые системы	161
Где начинаются и где кончаются вещи?	162
<i>Глава V. Эволюционизм или диффузионизм?</i>	164
Марризм	165

О сближении внешне противоположных теорий	168
Философские категории	170
Бытие	170
Пространство	175
Время	177
Загадка сходств	186
<i>Часть третья</i>	
Природа	
<i>Глава VI. Сродственности</i>	193
Два пути к сходству	195
Проблема границ	195
Узаконенное сближение:	
юридическое и антропологическое понятие союза	195
Внутренняя связность и внешнее притяжение:	
от алхимии к химии	196
Невозможная таксономия: биологическое понятие	200
Неудобная двусмысленность:	
приобретенные или врожденные языковые сходства	204
От эволюционистской к диффузионистской модели	204
Фонологическое сродство у Якобсона	209
<i>Глава VII. Биологическая модель</i>	214
Телеология или причинность?	215
Номогенез или случайность?	217
Конвергенции или дивергенции?	224
Рыбы и киты	224
Цепочки и кирпичи	225
Органическая метафора	229
<i>Глава VIII. Теория соответствий</i>	232
Месторазвитие: недетерминистский объект?	232
Метод «увязки»	239
Язык, культура и территория: психология народов	243
Месторазвитие и фонология	245
Порядок и гармония	249
География с геометрической точки зрения	251
Периодическая система	267

Часть четвертая

Наука

Глава IX. Персонология и синтез наук	271
Синтетическая наука	271
Два мира — две науки	271
Новой идеологии — новую науку	274
Наука аналитическая и наука синтетическая	276
Педагогика взгляда	282
Персонология	285
Философия личности	286
Индивид и коллектив	288
Сознание и субъект	290
Язык и личность	292
Глава X. Холизм: что есть целое?	293
По ту сторону зеркала	293
Позитивизм и холизм	294
Проблема натурализма	298
Объект данный / объект построенный	312
Структура или целостность?	314
Заключение	320
Приложение	327
Библиография	330
Именной указатель	349

Актуальное прошлое: структурализм и евразийство

Книга, которую читатель берет в руки, посвящена одному из важных этапов в истории идей— в частности, русской истории идей— XX века. Она написана славистом-иностранцем. Зачем автор написал свою книгу? Каков ее смысл для российского читателя? На эти вопросы мы и попытаемся здесь ответить. Прежде всего отметим, что книга никого не поучает и ничего не проповедует. Автор ищет возможностей диалога с российскими коллегами по вопросам, на которые не имеет заранее готовых ответов.

О замысле книги

Изначально книга адресовалась франкоязычному читателю, для которого «структурализм»— это прежде всего французский структурализм 1960—1970 годов, а евразийство и вовсе не изведанная земля. Автор стремится «реабилитировать» богатство русского идейного мира перед французскими лингвистами и историками науки, которые склонны либо совсем его не замечать, либо воспринимать его в фольклорном духе. Так вот: франкоязычному читателю книга дает огромный материал для размышлений и помогает выйти из своей культурной замкнутости. Напомним, что несколькими годами ранее автор опубликовал по-французски культурологические тексты Трубецкого, так что данная книга продолжает важную просветительскую линию его работы.

А что она дает русскоязычному читателю, для которого по крайней мере часть исторического материала, излагаемого автором, стала за последние 10 лет более или менее доступна? Для него достоинством книги будут прежде всего широкий междисциплинарный взгляд на историю науки и новые проблемные акценты в ее рассмотрении. Так,

в отличие от обычного для современных российских подходов к евразийству интереса к геополитике или историософии автор исследует главным образом проблемное пересечение евразийства и рождающегося структурализма в лингвистике и других гуманитарных науках. Этот угол зрения дает много полезного не только лингвисту и историк-у науку, но также культурологу, эпистемологу — каждому, кто интересуется социальными и интеллектуальными контекстами научного познания, «временем» и «местом» его возникновения и функционирования.

Как раз в этом акценте на атмосфере или «духе места» во многом и заключается своеобразие подхода Патрика Серио¹ к своему материалу. В его книге речь идет об определенном времени (1920-е — 1930-е гг., период между двумя войнами) и определенном месте (центральная и восточная Европа; Прага, Вена: автора интересует русская наука в эмиграции) — времени и месте рождения идей лингвистического структурализма, триумфально прокатившегося затем по всему миру и из лингвистики перекинувшегося на другие области гуманитарного познания. Трудный и противоречивый процесс рождения этих идей — вот главная тема книги. Ее герои — трое русских ученых, всемирно известные Н. С. Трубецкой и Р. О. Якобсон, а также менее известный

¹ Профессор славистики из Лозаннского университета (Швейцария). Среди его работ — монография «Анализ советского политического дискурса» (1985); ряд статей по истории и эпистемологии науки, в том числе по истории русской и советской лингвистики; перевод и публикация на французском языке культурологических работ Трубецкого (1996); издание (в качестве специальных номеров лингвистических журналов) ряда тематических сборников, таких как «Якобсон между Востоком и Западом, 1915—1939» (1997), «Пражская школа: эпистемологический вклад» (1994), «Язык и нация в центральной и восточной Европе от XVIII века до наших дней» (1996); издание на русском языке сборника работ французских лингвистов 1960—1970 гг. («Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса»). М.: Прогресс, 1999). В русском переводе опубликован ряд статей П. Серио — «В поисках четвертой парадигмы: границы языка и границы культуры» (в сб. «Философия языка: в границах и вне границ». Харьков, 1993), «Лингвистика и биология. У истоков структурализма: биологическая дискуссия в России» (в сб.: «Язык и наука конца XX века». М., 1995), «Лингвистика, дискурс о языке и русское геоантропологическое пространство» (в сб.: «Поэтика, история литературы, лингвистика: Сборник к 70-летию Вяч. Вс. Иванова». М., 1999) и др. Данная работа подводит итог многолетним исследованиям автора в области истории и эпистемологии лингвистики во взаимодействии с другими областями знания.

П. Н. Савицкий: в послереволюционной эмиграции они создавали структурализм как «новую науку» и вместе с тем — особую «русскую науку». В этом, как мы дальше увидим, источник многих сложностей и парадоксов. В их творчестве научные идеи, связанные с созданием методологии структурного исследования (прежде всего, структурной фонологии), сложным образом взаимодействовали с идеологическими мотивами и конструкциями (евразийство).

Как показывает само заглавие книги, ее проблемный стержень — это соотношение между «структурой» и «целостностью», между рождением новых научных идей и слоем метафизических обоснований. Это соотношение осложняется третьим моментом — метафорой организма: рождающийся структурализм хочет, но подчас не может от нее освободиться. Увлекательный сюжет этих попыток самоопределения новой науки так или иначе строится вокруг вопроса о том, возможна ли вообще в науке такая абсолютная самобытность. Вполне понятно, что для слависта-иностранца это вопрос не только теоретический, но и экзистенциальный. А потому доводы автора не отделены от пафоса, поиск — от отчаяния, а раздражение — от явно сквозящей в книге любви автора к своему научному предмету — этим ученым, чудакам «не от мира сего» или же вдохновенным прагматикам, работавшим над созданием «русской науки». Россию, утверждает он, можно и нужно пытаться «понять умом», в данном случае — расширяя перспективу и помещая «историю науки» в более общий контекст «истории идей».

Исследовательский путь автора всесторонне подготовил его к осуществлению этого широкого рационального замысла. Увлеченность русистикой во всем разнообразии ее конкретных предметов и проявлений (от проповедей протопопа Аввакума до новейших лингвистических концепций) позволила ему накопить большой опыт чтения текстов (и интерпретации контекстов) русской культуры. Анализ политико-идеологического дискурса советской эпохи 1970-х — 1980-х годов научил его разбираться в многообразии позиций говорящего субъекта и многослойности смысла. Личный опыт сделал его свидетелем структуралистской революции — невиданного роста и затем быстрого отката социальной популярности структурных методов во Франции 1960-х — 1970-х годов. Вместе со своим поколением он пережил шок от антиисторических воззваний «властителей дум» 1960-х — 1970-х годов и в конце концов поставил в центр внимания не прямые линии наследо-

вания и не разрывы, но менее категоричное и более содержательное понимание преемственностей, учитывающее многообразные пересечения, взаимоналожения, разноритмие в развитии знания.

На помощь в осуществлении этих познавательных установок приходит французская историческая эпистемология (Башляр с его историей физики, Кангильем с его историей биологии). На фоне этих образцов историко-эпистемологической работы П. Серио мыслит эпистемологию науки не только как «историческую», но и как «сравнительную», то есть выходящую и за пределы одной науки, и за пределы одной культуры. В книге речь идет о «производстве научных знаний» на перекрестке научных дисциплин и одновременно на перекрестке культурных и интеллектуальных влияний. В обсуждении всех этих вопросов слышны также и отголоски англо-американских споров в философии науки: это и вопрос о применимости понятия парадигмы к гуманитарному знанию, и вопрос о роли внешних и внутренних факторов в развитии познания: ни те ни другие в отдельности не способны объяснить познавательные процессы. Предлагаемое исследование не сосредоточено ни на имманентной логике идей, ни на внешних обстоятельствах развития науки: речь идет об обстоятельствах и предпосылках рождения новой научной концепции.

П. Серио называет свой подход сравнительной эпистемологией. Как общая позиция она предполагает сопоставление различного, но сходного историко-научного материала, отказ от тезиса о несоизмеримости. Как конкретная методика она требует тщательного перепрочтения текстов, затертых последующими интерпретациями, реконструкции интеллектуальных миров и лежащих в их основе «идеальных библиотек» (что читали, могли читать, могли знать те или иные авторы). «Сравнительное» здесь значит не имманентное, а открытое к иному познавательному опыту: за тождественными понятиями (например, такими как язык, наука, нация) в разных дисциплинах и разных культурах лежат разные смыслы, которые и требуется выявить. Слово «эпистемология» здесь ближе к его французскому пониманию (общие закономерности истории наук), хотя в ряде моментов отвечает более широкому, свойственному русской философской культуре, пониманию эпистемологии как общей теории познания (включая вопросы, связанные с построением объекта познания, критериями познания и др.). Соизмеримость интеллектуальных и культурных продуктов ищется не

на уровне парадигм или эпистем (хотя эти понятия в книге употребляются), но скорее на уровне «культур научного исследования».

Книга состоит из четырех больших частей («Состояние вопроса», «Замкнутость», «Природа», «Наука») и насквозь пронумерованных глав. Изложение материала многопланово, причем в разных частях сходный материал поворачивается к нам разными своими гранями, выполняет разные функции. В первой части излагаются общие принципы исследования и дается очерк общих идей евразийства, во второй демонстрируется становление «евразийской лингвистики», в третьей — ее концептуальный инструментарий (понятия сродства, конвергенции, месторазвития, связанные с метафизикой и натурфилософией, а также с биологией и географией), в четвертой показаны методологические принципы «новой» «синтетической науки».

Темы и идеи

Евразийство: некоторые парадоксы. Итак, в первой части книги в центре внимания — идеи евразийства, которое хочет быть философским и научным, но включает в себя много разного и от таких желаний весьма далекого (идеологического, политического, психологического). Евразийское мировоззрение несет на себе мету растерянности и неуверенности в себе русской эмигрантской интеллигенции, оно свидетельствует о смене ценностей. Это совокупность идей, позволявших ей держаться стойко и не терять надежды на изменение хода событий на своей исторической родине, в России, куда некоторые надеялись вернуться. Революция и две разрушительные войны (мировая и гражданская), казалось, воочию продемонстрировали, что Россия предана Западом. Возрождения поэтому следовало ожидать не с Запада, а с Востока. Как определить себя на фоне Европы? Как защититься от растворения в чужой культуре? На решение этих задач и направлены евразийские идеи.

Адепты евразийства, настаивает П. Серию, не шарлатаны и не догматики, они не держатся за старое и смотрят в будущее. Вместо прежнего места жизни, им отныне недоступного, они измышляют некое утопическое место, новый материк — срединный мир, или Евразию, обладающую своеобразными природными и духовными свойствами и возможностями (географически совпадает с бывшей Российской импе-

рией и современным им Советским Союзом). Все науки и искусства были призваны служить обогащению и развитию этой идеи, внося свою лепту в построение знания об этом удивительном объекте. Бурная научная активность евразийцев была призвана укрепить географические (Савицкий), культурные (Трубецкой), лингвистические (Якобсон) основы Евразии. В рамках этого замысла строились удивительные по своей изобретательности интеллектуальные построения.

Сама идея евразийства, по мысли его главного теоретика Н. Трубецкого, не только русская: она предполагает единство восточных славян (в противоположность славянофилам, евразийцы решительно отмежевывались от западных славян, католиков) с финно-угорскими и тюркскими племенами. Возврат к православным идеям, моральное преодоление большевизма должны позволить Евразии — естественной, живой целостности, «многонародной нации» — культивировать свой собственный, евразийский национализм, сохраняя территориальное и государственное единство. Евразийский тезис о своеобразии одной культуры перед другой возник под влиянием или параллельно мыслям многих предшественников и современников евразийства — Данилевского, Шпенглера, Тойнби.

Общий пафос евразийства — антиуниверсалистский. Культуры выступают как органические целостности. Чтобы утвердить в правах этот мир, требовалось решительно оторвать Россию от западного «романо-германского» мира. Соответственно — русская культура послепетровского периода трактуется как подавленная прозападным режимом, а русская революция — как болезненный, но позитивный сдвиг (в этом отличие евразийцев от других эмигрантских течений): бессознательное устранение народом чуждой, непонятной ему культуры. Видя в эгоцентричных романо-германцах злейших врагов евразийцев и всех угнетенных народов, настаивая на абсолютной несовместимости евразийского и европейского миров, евразийцы выдвигают свою педагогическую стратегию: евразийские народы должны развить и укрепить собственное самосознание, выработать «сознательное мировоззрение».

Излагая историю и структуру евразийских идей, автор выявляет ряд неувязок и парадоксов.

Во-первых, евразийская критика «романо-германства» использует «романо-германские» концептуальные средства, так или иначе воспро-

изводит западные идеи и ходы мысли. Это были элементы немецкой идеалистической философии первой половины XIX века, весьма популярной в России в славянофильских и неославянофильских кругах (правда, при этом евразийская история замкнутых целостностей исключает гегелевскую идею прогресса). Это были также неоплатонические и романтические воззрения, предполагавшие первенство космического целого над единичным и частным, первенство откровения и особого видения над познанием (хотя евразийцы отказывались от нерушимого натурфилософского единства в пользу множественности взаимонепроницаемых культур). Это было также первенство синтеза — над анализом, национальной специфики — над универсальным и общезначимым.

Во-вторых, эта критика предполагает двойной стандарт в евразийских представлениях о Евразии и о Европе: если внутри Евразии, согласно представлениям евразийцев, царит идиллия многонародной нации с открытыми взаимопереходами между ее составными частями, то на внешних ее рубежах граница всегда на замке — это и есть граница Евразии с западным миром. Двойной стандарт проявлялся и в психологии евразийцев: так, критикуя западные подходы и методы, евразийцы внимательно следили за тем, любят ли их на Западе, и обижались на то, что их не понимают и не принимают. Да и в жизненных своих привычках евразийцы были скорее европейцами: во всяком случае, жить они предпочли не в Азии, а в центре Европы. В идейном плане «туранский», степной, культурный элемент оставался для них чистой абстракцией: движение включало в свой состав почти исключительно русских, обосновывалось в Европе и совершенно не интересовалось «азиатской» мыслью и культурой. Можно предположить, что за заботой о Евразии скрывается совсем другая забота — о границе между Россией и ее «главным другим» — Западной Европой как объектом одновременного притяжения и отталкивания.

Как возможна евразийская лингвистика? Евразийские идеи важны автору в данном случае не сами по себе: ему требуется восстановить евразийское языкознание как утерянное звено в общей истории языкознания (вторая часть книги). Наиболее яркий его пример — это якобсоновская концепция евразийского языкового союза, возникшая на рубеже 1920-х и 1930-х гг.